

Анна замерла на мгновение, мысленно спрашивая себя: а почему, собственно, она полюбила Джона? Большинство людей — существа визуальные, но Анна была исключением. Её не интересовали лица, отчасти из-за её собственной выдающейся внешности. Все, глядя на неё, прежде всего замечали красоту, и ей так хотелось, чтобы люди обращали больше внимания на её характер. Потому и сама она привыкла не придавать значения чужой внешности.

— Пожалуй, всё началось с того, что мне показалось, будто я ему нравлюсь...

У многих девушек в юности бывает нечто подобное: симпатичный и успешный парень проявляет интерес, и ты невольно начинаешь за ним наблюдать, а потом понемногу и сама влюбляешься.

— Знаешь, лучший способ забыть одну любовь — начать другую.

С самым искренним видом Август принялся расхваливать своих рыцарей. Не иначе этот отряд был под каким-то странным проклятием — почти все они до сих пор холостяки, а командир и вовсе ходячий символ одинокой жизни. Может, им стоит переименоваться в «Рыцарский орден холостяков»?

— Рыцарь, которому ты приглянулась, — Уолтер. Из знатной семьи, мечтает поучаствовать в войне с Францией, вредных привычек не имеет, тренируется усердно. По успехам Джону уступает, зато в командовании на поле боя превосходит. Ранее подруг не имел, рост...

— Стоп! — Анне пришлось прервать всё более воодушевлённого Августа. — Откуда вы знаете такие подробности?

— Ну... у меня есть один чрезвычайно любопытный друг.

— А, — простонала Анна. Эта наивная девушка ему поверила. Видно, ей не хватало опыта в коварной аристократической жизни.

— Но спасибо за предложение, я пока не готова, — отказалась Анна. Дело было не в том, что обожжённый на молоке дует на воду, а в том, что в минуту грусти она вспомнила свою первоначальную цель, с которой приехала в Лондон: не замужество, не служанство, а собственное дело.

— Вам не кажутся странными мои мысли?

— С чего бы? Женщина тоже может иметь своё дело. Хотя в Средние века мужчины и главенствовали, положение женщин по сравнению с прошлым изменилось кардинально. Скажем, женщина могла самостоятельно заниматься торговлей. Конечно, обычно это были замужние дамы.

— Может, вы не поверите, но, как ни странно, у меня есть один коммерческий проект, который нуждается в спонсорстве. Не желаете послушать? — Август занимался благотворительностью без особых высоких целей — просто потому, что хотел.

— Нет, я не могу... — Анна снова отказала Августу. — У меня есть свои сбережения. Граф очень щедр.

Жалованье Анны как служанки за месяц равнялось её годовому доходу в деревенской глуши. Порой ей перепали дополнительные награды, да и сама она была бережлива, так что копить получалось легко.

— Да и брат обещал помочь. Я хочу открыть пекарню. У нас в деревне свои поля, мы сами мелем муку. Уверяю вас, это будет одна из лучших мук, что вам доводилось пробовать. Моя сестра помогает по хозяйству, я же планирую со временем купить в родных краях участок земли. Перевозить муку по Темзе тоже очень удобно...

У Анны и вправду был план — не грандиозный, но прочный. Она хотела изменить судьбу всей своей семьи, а не только свою собственную.

Анна говорила много, а Август внимательно слушал, и чем больше он слушал, тем больше восхищался её смелостью — той, что подкреплена умом.

— Хочешь, познакомлю с человеком, который печёт превосходный хлеб?

— С кем?

— С поваром Бейкером из графского дома. Он даже при дворе служил, герцог обожает его хлеб, — без зазрения совести использовал себя в рекламных целях Август.

— Неужели он настолько хорош?

— Ещё бы! Более того, он человек мягкосердечный. Попробуй как следует его упросить — возьмёт в ученицы. — Пекарня больших денег не принесёт, но для семьи Анны это был выход. Нельзя же всю жизнь зависеть от милости брата-епископа.

— Он согласится?

— Смотря как постараться. — Август велел принести бутылку джина. — Подари это Бейкеру в знак добрых намерений. Поверь, он это ценит.

— Как я могу принять ваш подарок?!

— Счти это инвестицией. У меня предчувствие, что ты испечёшь самый вкусный хлеб на свете. Позволь же мне стать первым дегустатором.

На самом деле, был ли хлеб вкусным или нет, не имело значения. Августу просто захотелось подтолкнуть Анну. А уж далеко ли она продвинется — зависело только от неё самой.

Так же, как когда-то поступила с Анной леди Джейн.

— Я восприму ваши слова всерьёз!

— А я и говорю серьёзно.

На следующий день, возвращаясь в Лондон вместе с графом и леди Джейн, Анна пребывала в возбуждённом состоянии.

Леди Джейн поддразнила её:

— Признание в любви удалось?

Анна покачала головой:

— Нет, я потерпела неудачу. Зато, как говорится, нет худа без добра — случилось кое-что получше!

— Да? — леди Джейн улыбнулась. Неважно, успех или провал, главное — ни о чём не жалеть.
— Не хочешь стать моей личной служанкой? Жалованье увеличится, но ты должна будешь хранить в тайне, куда мы ходим.

— Слушаюсь, госпожа!

— Не интересуешься, чем мы занимаемся?

— Нет.

— Совсем?

— Почти. Что это за значок?

— Радуга.

— А? — Анна опешила. Она всё думала, что это арка какого-то моста.

— Ну, тот, кто дал мне этот значок, упорно твердит, что это радуга. Раз уж он такой подслеповатый, что я могу поделаться? — Леди Джейн пожала плечами с видом полной беспомощности.

Август, перебирая в пальцах свой радужный значок, зевнул — ему почудилось, будто кто-то говорит о нём нехорошее.

В тот же вечер, после собрания, Август поспешил вернуться в свой лондонский дом, где жил вместе с Рафаэлем. Он всегда поступал так: сколько бы ни затянулось веселье, если только он не был с Рафаэлем, в тот же день непременно возвращался домой. Ни дождь, ни снег, ни ветер не были помехой. Потому что...

На следующее утро, когда сонный Август раздвинул занавески и высунулся на молочно-белый балкон, он неизменно видел во дворе Рафаэля. Тот, стянув шёлковистые чёрные волосы, в белом тренировочном костюме выполнял самые важные утренние упражнения. Движения его были удивительно грациозны и в то же время полны силы. Он не был обнажён, но и одет не скрупулёзно — слегка расстёгнутый воротник, небрежно заправленные края лишь подчёркивали скрытую, неброскую соблазнительность.

Стиснув тонкие, точно лезвие, губы, Рафаэль сосредоточенно и методично взмахивал мечом. Каждое движение дышало силой и агрессивной красотой, излучая опасное, смертоносное обаяние, от которого невольно замирало дыхание.

Как на свете может существовать столь прекрасный человек?

Глядя на своё отражение в зеркале, Август разве что мог возжелать самого себя. Но глядя на Рафаэля, он хотел прожить с ним всю жизнь. Это было то самое чувство, когда, что бы ни случилось в будущем, ты жаждешь обладать им здесь и сейчас.

Ощущение весьма тревожное.

Однако, когда Рафаэль завершил последнее движение, плавно отряхнул пот и безошибочно взглянул на балкон второго этажа, Август мгновенно забыл, о чём только что думал.

Он широко улыбнулся и радостно замахал рукой:

— Доброе утро, красавчик!

Энергично и оживлённо.

Красавчик в ответ лишь взмахнул своим тонким клинком. Угрозы в жесте не было, но Августу почудилось, что это намёк, деликатный протест Рафаэля: «Попробуй только назвать так ещё раз!»

Но какая разница?

Август так и будет его называть.

Как и знал весь Лондон, Августу в конце концов удалось переехать к Рафаэлю. В будни они жили в городе, на выходные отправлялись во дворец Хэмптон-корт. Что касается развлечений в рабочие дни, то проблему решили «личные тренировки с Рафаэлем» и «ежедневные пробежки рыцарей у ворот графского поместья».

Первое было идеей Рафаэля, второе — подарком от Ричарда II.

<http://bllate.org/book/15929/1424241>